

5. Розов, И. С. Философия гуманитарного образования (Ценностные основания базового гуманитарного образования в высшей школе) / И. С. Розов.— М., 1993.

6. Захарченко, В. М. Розроблення освітніх програм. Методичні рекомендації / В. М. Захарченко, В. І. Луговий, Ю. М. Рашкевич, Ж. В. Талана.— Київ : ДП «НВЦ «Пріоритети», 2014.

Р. К. Петюр

Київ, Київський національний університет
імені Тараса Шевченка

Обострение суннитско-шиитского противостояния в политическом дискурсе современного Ближнего Востока

Социокультурное разнообразие мира на протяжении всей истории человечества воспринималось как источник вдохновения и познания многогранности человеческого рода и условий обитания человека. В то же время именно этнические, языковые и религиозные различия приводились в качестве аргументов для начала враждебных действий в отношении к другим народам. В современном мире взаимодействие между представителями различных культур настолько активизировалось, что порой социокультурные различия в отдельном коллективе или обществе в целом становятся скорее нормой, нежели исключением. Но, к сожалению, подобные ситуации характерны не для всех стран современного мира.

Ближний Восток традиционно воспринимается как регион повышенной напряженности. Однако это проявляется больше в XX в. по ряду причин. Во-первых, в прошлом столетии в регионе были обнаружены значительные месторождения углеводородов. В результате регион надолго стал приоритетом великих держав — основных потребителей энергоносителей.

Во-вторых, начавшаяся после Второй мировой войны «холодная война» привела к борьбе сверхдержав за союзников, привнося в регион идеологические компоненты глобального противостояния.

В-третьих, создание государства Израиль качественно изменило палитру политических идентичностей на Ближнем Востоке, четко увязав проблемы территорий, беженцев, собственности

и международно-политического статуса с вопросами религии и национальности.

Кроме того, на фоне кажущейся национальной (арабский мир) и религиозной (исламский мир) гомогенности большие игроки региона вели и продолжают вести борьбу за лидерство на Ближнем Востоке, апеллируя как к общерегиональным ценностям, так и к разъединяющим факторам, подчеркивая свою исключительность и ущербность противников.

Побуждения искать причины международных противоречий в социокультурных различиях доминируют в спектре подходов к анализу ситуации на Ближнем Востоке. Этническое, языковое и религиозное разнообразие Ближнего Востока действительно впечатляет. В регионе проживают представители различных этносов — арабы, турки, иранцы, евреи, курды, берберы и др. Население стран региона пользуется арабским, персидским, турецким языком, ивритом и многочисленными другими языками и диалектами. Среди религий, исповедующихся населением Ближнего Востока — монотеистические ислам, христианство (различные течения христианства в Египте, Ливане, Сирии), иудаизм, а также традиционные верования (языческие или политеистические, как, например, зороастризм в Иране).

Если обращаться к модели Большого Ближнего Востока (от Марокко до Афганистана), то палитра социокультурных различий выглядит еще богаче. Учитывая, что нынешний этап развития региональной системы международных отношений действительно тяготеет к расширению границ Ближнего Востока как политико-географического региона, любой анализ социокультурного разнообразия в регионе должен включать множество специфических характеристик ближневосточных обществ.

Необходимость учитывать, что такое разнообразие возникает, прежде всего, в связи с тем, что ряд политических акторов Ближнего Востока претендуют на своеобразную социокультурную ортодоксию. Так, Израиль отличается своим воинственным демократизмом и либерализмом. Саудовская Аравия является оплотом радикального ислама суннитского толка. Иран претендует на главенствующую роль в исламском мире как теократическое государство шиитского толка. В попытке укрепления своего политического влияния и статуса государства и негосударственные политические субъекты склонны навязывать свою систему соци-

окультурных взглядов (прежде всего, религиозного характера), при этом отвергая некоторые ценностные системы своих политических конкурентов. Таким образом, социокультурные различия в регионе становятся мощным стимулятором политического противостояния.

Ближний Восток исторически является истоком трех монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама. Как известно, Иерусалим — город, одинаково священный для представителей всех этих религий, в связи с чем статус города является противоречивым по сей день, поскольку на него претендуют Израиль и Палестина.

Однако не Иерусалимом единым ограничивается район противоречий на религиозной почве. Более ожесточенным на сегодняшний день является противостояние представителей одной религии, а именно ислама. Будучи разделенным на несколько течений, ислам занимает ведущее место в политическом дискурсе Ближнего Востока и мира в целом. На слуху понятия международного терроризма, исламского радикализма или фундаментализма и т.п. Как следствие, для современного человека, живущего в Европе или Америке, сложился образ мусульманина-террориста, несущего угрозу цивилизованному миру.

Однако основная часть терактов, и жертв терактов, случаются именно в регионе Ближнего Востока. Причем основной целью террористов являются именно собратья по религии. Масштабнынешнего противоречия между суннитами и шиитами — представителями основных течений ислама — впечатляет (см. [1]).

Истоки данного противоречия берут начало еще в VII в., то есть практически сразу же с возникновением ислама. Это связано с тем, что со смертью основателя ислама пророка Мухаммада возникает спор относительно способа определения правителя халифата — преемника Мухаммада. Те, кто считал, что халиф должен избираться группой авторитетных религиозных деятелей ислама, вступили в противостояние с теми, кто поддерживал принцип наследника по кровной линии Мухаммада.

В дальнейшем эти два подхода к определению справедливого («праведного») правления в халифате привели к формированию двух течений со своими традициями, религиозной практикой и святыми местами.

Представители первого течения — сунниты, последователи «сунны», или пути Мухаммада. Для них первичным является Коран как священное писание.

Сторонники второго течения — шииты, или «последователи Али». Они считают, что преемником Мухаммада должен был стать не избранный в то время соратник Мухаммада Абу Бакр, а двоюродный брат пророка — Али ибн Аби Талиб. Для шиитов ключевым является именно правление в халифате представителей рода Мухаммада.

Схожий раскол мы можем наблюдать и в христианстве (на примере католицизма и православия), который, однако, не характеризуется тем уровнем насилия и нетерпимости, как в исламе. Это объясняется, прежде всего, объективным снижением роли религии в западноевропейских обществах в связи с развитием капитализма. Также в XX веке роль христианского православия практически нивелировалась в связи с приходом к власти в России атеистического режима.

Ислам в общем и его священная книга Коран имеют не больше призывов к насилию, чем христианство и Библия. Данный факт был продемонстрирован недавним «экспериментом» журналистов в Нидерландах, когда жителям этой страны предлагалось определить происхождение резких высказываний из священного писания. [6] При этом выдержки из Библии были ошибочно идентифицированы как слова из Корана. С одной стороны, это указывает на ошибочность противостояния ислама и христианства по степени склонности к насилию и вражде. С другой стороны, это является еще одной иллюстрацией того, насколько сильны убеждения на уровне обычных индивидов, что может послужить основой для неверных действий в отношении других народов.

Наблюдения, полученные в результате исследования Ближнего Востока, позволяют утверждать, что первичными в возникновении внутренних и международных конфликтов в регионе выступают политические причины. Постулирование политических идентичностей с одними социокультурными характеристиками приводит к маргинализации носителей этих характеристик в политических социумах с другими социокультурными характеристиками. На региональном уровне это имеет следствием обострение межконфессиональных или межнациональных противо-

речий. На глобальном уровне это проявляется, в частности, в виде исламофобии и антисемитизма.

Современный политический дискурс Ближнего Востока сформировался под влиянием трансформационных процессов в регионе, начиная с борьбы против СССР в Афганистане «руками» боевиков, исповедовавших радикальный ислам, и продолжая войной в Ираке для свержения режима Саддама Хусейна. Американские политологи, поддерживавшие действия США, ожидали, что свержение диктатуры в Ираке приведет по эффекту домино к ряду изменений авторитарных режимов на всем Ближнем Востоке. Цветные революции в ряде стран Европы служили примером подобных изменений, и поэтому архитекторы новой системы международных отношений ожидали, что арабские диктатуры станут демократиями.

Однако война в Ираке привела к катастрофическим результатам. [3] Не оправдывая режим Хусейна и страдания иракского народа в период его правления, следует сказать, что война — легкий способ решить ситуацию. Однако легко войну начать, но сложно завершить. Одной из общепризнанных ошибок иракской авантюры США 2003 года является отсутствие *exit strategy*, то есть стратегии выхода из конфликта. Больше 10 лет потребовалось США и союзникам для выведения военных из Ирака. В результате после себя США оставили страну разделенную и погрязшую в конфликте.

Не дождавшись естественной смены режимов на Ближнем Востоке после свержения Хусейна, США активно поддержали т.н. «Арабскую весну», в результате которой были изменены режимы в Тунисе, Египте, Ливии. В Сирии, начиная с 2011 года, до сих пор длится кровопролитная война, в результате которой практически половина населения страны в числе беженцев или переселенцев, а более 400 тыс. людей погибли (см. [4]).

При этом в Бахрейне, где в 2011 г. также возникли народные волнения, они были оперативно свернуты при поддержке Саудовской Аравии, которая те же волнения, но в иных странах Арабской весны, активно поддерживала (см. [2]).

Данные события накладываются на межконфессиональные противоречия между суннитами и шиитами. При этом наблюдается четкое противостояние между странами Ближнего Востока, которые пытаются эти различия использовать с целью повышения своего политического влияния в регионе.

Основными противниками выступают Саудовская Аравия и Иран. Монархия Саудовской Аравии базируется на ваххабизме — радикальном течении ислама суннитского толка — и резко отрицает авторитет шиитского направления в исламе, которое является основой иранского режима.

Фактически Иран является единственным государством, претендующим на защиту шиизма в мире. В то же время, Саудовская Аравия пользуется мировым авторитетом среди мусульман по причине наличия в стране основных святынь для всех мусульман — Мекки и Медины.

Таким образом, в ситуации суннитско-шиитского противостояния нет ничего уникального. Мы можем подобные противостояния сравнить с другим проявлением социокультурного противоречия. Имеется в виду т.н. «языковой вопрос» в Украине, который на протяжении всего периода независимости страны использовали различные политические силы в узких электоральных целях, забывая о возможных последствиях для государства и общества. Следуя беспроектному принципу *divide et imperum*, политические силы, опиравшиеся на электорат юго-восточных районов Украины, разыгрывали языковую карту предвыборной игры, успешно об этом забывая с завершением очередных выборов. В итоге в 2014 году результаты подобной близорукой политики были умело использованы внешними силами, заинтересованными в ослаблении и разделении Украины. Таким образом, проигравшей стороной выступили те же политические силы, делавшие ставку на раздор в обществе, и, конечно же, все украинское общество и государство в целом.

Вмешательство внешних акторов в дела Ближнего Востока и использование противоречий местными игроками в интересах сохранения власти и расширения влияния приводит к манипуляции религиозными чувствами населения региона.

Акцент на межконфессиональных различиях уводит человека от общего к частному, что автоматически и неизбежно подпитывает чувство розни и вражды. Следует отметить, что ислам в своей сущности обладает мощным объединяющим потенциалом, что демонстрируется динамикой распространения ислама как в период арабских завоеваний, так и на современном этапе (см. [5]). Ислам лишен фетишизации, коммерциализации и элементов политеизма, присущих христианству, и поэтому привлекает людей,

отвергающих консюмеризм и материализм современной глобализированной культуры.

Поэтому подпитка суннитско-шиитского противостояния, совершаемая самими исламскими субъектами, является, фактически, ударом по исламу в целом и дает основания для развития исламофобии в мире.

Без сомнения, в интересах всех без исключения стран Ближнего Востока снижение градуса межконфессионального противостояния, смещение акцентов в политическом дискурсе от суннитско-шиитского противостояния к межконфессиональному диалогу и культуре мира.

Литература

1. Global Terrorism Database. Terrorist Attacks, 2015: Concentration and Intensity [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.start.umd.edu/gtd/images/START_GlobalTerrorismDatabase_2015TerroristAttacksConcentrationIntensityMap.jpg.

2. Watch: People don't know the Bible from the Koran // The Washington Post, December 7, 2015 [Electronic resource]. — Mode of access : <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/07/watch-people-dont-know-the-bible-from-the-koran>.

3. Stiglitz, J. The true cost of the Iraq war: \$3 trillion and beyond [Electronic resource] / J. Stiglitz, L. Bilmes, // The Washington Post, September 5, 2010. — Mode of access : <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/07/watch-people-dont-know-the-bible-from-the-koran>.

4. Syria death toll: UN envoy estimates 400,000 killed // Aljazeera, April 23, 2016 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.aljazeera.com/news/2016/04/staffan-de-mistura-400000-killed-syria-civil-war-160423055735629.html>.

5. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 [Electronic resource] // Pew Research Center.— 245 p. — Mode of access : http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf.

6. Saudi Arabian intervention in Bahrain driven by visceral Sunni fear of Shias [Electronic resource] // The Guardian, March 20, 2011. — Mode of access : <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/20/bahrain-saudi-arabia-rebellion>.